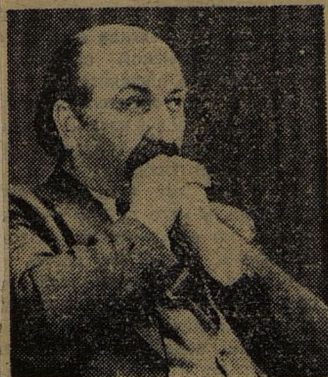

8 АВГ 1980

ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ

КАИСЫН...

Когда я вспоминаю о нем, то меня наполняет душевная теплота, которая буд-то согревает бесприютные мысли и распрямляет сникший был дух.

Уж такой он прекрасный человек — Кайсын Шугаевич Кулиев!

Впервые я его увидел в 1956 году в Москве, в низкосводчатом, не очень-то просторном фойе второго этажа здания Союза писателей СССР. Пышно-усый, с лысеющей головой, темпераментный кавказец, громко стуча по столу, сидел и, пламенея, с азартом кого-то в чем-то убеждал...

Человеку северному, мне это тогда показалось слишком уж... «Страсти-то какие! — подумал я. — Уж такой хват вряд ли тебя послушает и поймет...»

Но потом, когда мы познакомились накоротке, с каждым разом для меня все более открывались его доброта, сердечность, душевное богатство и умный талант.

Нынче Кайсын Кулиев — один из самых моих истинных, глубоко

ко почитаемых, добрых друзей.

Встреча с ним после долгой разлуки бывает так радостно шумна и бурлива, что немало удивила бы стороннего наблюдателя. После первых порывов восторга обычно произносится: «Давайте, мол, по случаю встречи...» Никакая уловка от его гостеприимства не спасет.

А за столом разворачивается оживленный обмен новостями от заморских до домашних, приправленных шутками, стихами да мудрыми изречениями. При этом Кайсын время от времени обо-

Эту статью нашли, разбирая архив народного поэта Якутии Семена Петровича Данилова. Под ней стояла дата: 25 ноября 1978 года... А через три дня поэта не стало.

Все, кто помнит Семена Петровича, знают, что за его внешне застенчивой (а на самом деле интеллигентной) манерой держаться скрывался кипучий и яркий характер. Он был истинно якутским поэтом — и по своему художническому дару, и по своей трудной судьбе, и по той северной отзывчивости на доброе слово и на дружбу, которые ему сопутствовали в литературе.

Слово Семена Данилова о своем друге и братском поэте из Кабардино-Балкарии Кайсыне Кулиеве еще раз подтверждает его доброту и преданность прекрасной поэзии. Писалось оно к книге переводов Кулиева на якутском языке (она только что вышла в Якутске) и, думается, сохранило в себе живое дыхание автора.

КРОВНЫЙ БРАТ

рачивается и — в который раз! — сердечно приветствует:

— Сэмэн! Дорогой! Здравствуй!

— Кайсын, почему ты несколько раз здороваешься?

— Дружище, уж очень по тебе стосковался... — обнимает и ласково хлопает по плечу.

Вот какой человек Кайсын.

А его такая же горячая, яркая поэзия — это зеркало души, ума и многообразной жизни очень нежного, очень чуткого большого человека.

Когда читаешь его стихи, то будто перед тобой вдруг предстает Кавказ и блистают на солнце ледяные шапки величавого Казбека. От его вершин с шумом устремляются вниз талые воды, низвергаются водопадом в темные ущелья бурные реки, темнеют высокие деревья и смирившемся радугой горят цветущие альпийские луга. В том чудном крае живут девушки, прекрасней и нежней которых ни-

кого нет; парни, мужественные, как орлы; ласковые матери, величественно-спокойные, умудренные жизнью старики. Светятся огни аулов, чьи сабли с плоскими крышами на крутых склонах древних гор напоминают гнездвя соколов, гордых сынов вольного неба...

Корни и ветви лирики Кайсына Кулиева, всей его поэзии питаются животворным соком устного творчества своего народа, живущего в горах, на священной чегемской земле. Он говорит, что «поэт должен согреться у костра простых людей и их же потом оделить жаром своей поэзией». И при этом знать, усвоить все лучшее из океана мировой культуры и литературы. Об этом свидетельствуют его глубокие и тонкие критические и теоретические работы о великой русской поэзии, особенно о творчестве Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Твардовского... В этих своих трудах он, преклоняя ко-

лени перед тенью великих, благодарными словами подчеркивает, что именно они стали для него несущими крыльями, зовущими звездами и расстелили перед ним путь-дороженьку...

Его вдохновенные стихи, рожденные на горных тропах и на берегах быстротекущих рек, напоенные вековой мудростью народной, потому и звучат так свежо и первозданно, так прекрасно, что к ним поневоле прислушиваются читатели всего мира. В творчестве этого поэта из года в год, из книги в книгу

Семен
ДАНИЛОВ

сын Кулиев является лауреатом Государственных премий РСФСР и СССР, несколько раз избирался депутатом Верховного Совета СССР.

На суд якутского читателя выносим мы с Михаилом Тимофеевым эту переводную книжку («Книга земли» на якутском языке. — Ред.) — только малую толику из щедрого и великолепного творчества одного из известных поэтов Советского Союза. Пусть эта книга от имени наших любителей поэзии явится знаком благодарности за его пленительную лирику.

Когда наш друг впервые возьмет эту книгу в руки, то — не трудно себе представить! — по-детски восторженно возрадуется, быстро-быстро полистает, попробует звучно прочесть и наткнется на свое любимое детище — стихотворение о вороном рысаке, умирающем на белом снегу: «хара ат», «хаар», «кыыс»... Найдя эти общетюркские слова, громко воскликнет:

— Ай! Вот это друг! Слышите — точно балкарские слова ведь! — Любовно погладит книгу: — Якуты — наша кровная родня, при желании, наверное, можно быстро научиться по-якутски...

И книгу эту поставит в ряд с другими своими книгами, изданными на многих языках мира...

Снова слышу я его громкий голос, снова заблещет он своим остроумием, новой мыслью, тут же подвернувшимися мудрыми словами и — по обыкновению — то и дело станет обнимать и не устанет повторять: «Сэмэн, дорогой! Здравствуй!..»

25 ноября 1978 г.,
ЯКУТСК

С якутского,
Перевод С. РУФОВА